Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Бурная общественная жизнь

Серое квадратное здание университета стоит у края обширного поля рыночных палаток панельным памятником бетонной совдепии. О него дробятся бурные волны улицы Ледовых Героев. Через дорогу с утра и до позднего вечера, словно водоворот, бурлит автостанция. Маршрутка мягко подкатывает к асфальтовому причалу. Стараюсь выскочить первым, иначе придется закрывать дверь, а тут уж неминуем грозный окрик водителя: «Незакрыл!» или «По голове себе так грохни!», — смотря по обстоятельствам.

Низкое крылечко — увалень вахтер с неизменным утренним «аусвайсконтролем» — и я в полутемном вестибюле вуза. Куртка набухла от дождя и прибавила в весе, кажется, пару килограмм. Гардеробщица, старушка в огромных очках, с неудовольствием берет ее:

— И чего это она у тебя такая тяжелая, сынок?

— А это бронежилет, — пытаюсь пошутить я.

Смеясь (воистину, что старый, что малый — все равно), она вручает мне алюминиевый номерок.

Над лифтами — строгая надпись: «не более 4 человек!». У двух лифтов выстроилось в очередь в несколько раз больше людей, чем надо. Потому, не тратя времени зря, иду на лестницу. Второй этаж... Третий... На площадке чтевертого, задумавшись, не сразу оборачиваюсь на звонкое «Привет!» На меня весело и задорно смотрит пара карих искристых глаз. Настя, профорг факультета, белозубо улыбается и кокетливо поправляет подкрученные щипцами темные волосы.

— Привет, Настя. — я намереваюсь продолжить свой путь.

— Кстати, Роман, сегодня у нас среда, так что...

— Помню я! — на самом деле ничего не помню, но ладно. — Редколлегия?

— Да нет, дебют! Репетируем сегодня в актовом зале — Махмудов нам его сгодня на 3 пробил. — Девушка тихонько хихикнула моей забывчивости.

— ОК, буду!

И я побежал дальше — звонок уже пел-заливался по этажам, а опоздать к Щербиной на пару (а это — гарантированный нагоняй. Если пустят совсем не хотелось.

Лекции сегодня отчего-то казались нуднее обычного. Под конец на философии я и вовсе задремал, так что мой приятель еле растолкал меня под подозрительно косым взглядом преподавателя. Писать конспект я сейчас был не в состоянии, тем более, что прошел от нечего делать на больничном эту тему самостоятельно. В ожидании звонка вывел карандашом на парте «Здесь было зверски убито время». Потом подумал, и стер.

Даже надоевшие за полтора месяца репетиции «Дебюта первокурсника» казались спасением. Наконец — звонок! У лифта снова очередь — сбегаю опрометью, пока нет толпы возле раздевалки. Гардеробщица так старается, что обрывает на куртке петельку. Мое «незлое тихое слово» она никогда не услышит, хоть и делает так уже 8й раз.

Пустой актовый зал зеленеет бархатом кресел. На первых рядах собрался наш «творческий коллектив». Настя, стоящая у музыкального центра, смеется и посылает мне оскорбительный воздушный поцелуй. Сажусь в пустое кресло, слегка обиженный. Еще бы, она меня ни во что не ставит, это же видно! А стоит лишь один раз увидеть нашего профорга, чтобы понять, как тяжко переживать невнимание с ее стороны. Сказать, что Анастасия красивая — все равно,

что назвать Рембрандта художником, а Пушкина — поэтом. И тот, и другой потратили бы литры чернил и красок, описывая ее совершенство. Ее возвышение началось после конкурса красоты, на 2 курсе. В профорги ее выдвинул общественный декан, моментально положивший глаз на красавицу. Утвердил кандидатуру декан обычный, Махмудов, широко известный в узких кругах волокита. А она, заморочив голову обоим, вдоволь насмотревшись на их противостояние, продинамила начальников. Но они были люди не мстительные и не стали прогонять девушку с ответственного поста, тем более, что с общественной работой она справлялась на редкость успешно, умудряясь еще каким-то чудом учиться на «отлично», заниматься теннисом дважды в неделю и всегда пребывать в отличном настроении.

Сегодня у меня, наверное, не задался день. Как минимум половина участников моего номера не явилась, так что репетиция номера не могла состояться в принципе. Так что мне битых 2 часа пришлось сидеть в 3 ряду и смотреть, как режиссер-наемник бесконечное количесство раз заставляет моих однокурсников правильно выходить и «технично» кланяться.

За окнами, между тем, потемнело. Свет в зале становился все более желтым, все менее естественным. Режиссер стал чаще посматривать на часы, и наконец остановил репетицию, подошел к Насте и сказал ей что-то. Тут же в микрофон мы услышали голос нашего профорга:

— Спасибо, ребята. Сейчас Евгений Иванович должен срочно уходить, так что продолжим завтра. Отдохните как следует, и завтра к 3 часам чтобы были у общественнного деканата. — голос ее звучал звонко и бодро, как обычно.

Интересно, она вообще способна устать?

Размокшая кепка скользит у меня в руках. Тошно становится от мысли, что вот сейчас надо уйти из светлого, теплого и сухого корпуса на раскисшую улицу, где, кажется, дождь не окончится никогда. Пытаясь хоть как-то оттянуть этот момент, вжимаюсь в кресло и стараюсь не шуметь. Мне слышно, как расходятся ребята, как смолкает их веселая речь. Под потолком гудят люминисцентные лампы. Сцена темна и задумчива, как будто отдыхает, ожидая следующего мероприятия.

Наконец тишина. Теперь пора и мне уходить, а то действительно не заметят и закроют на ночь — тогда уж не докричишься, не доколотишься. Встаю с кресла. Внезапно укоризненный голос заставляет меня вздрогнуть:

— А ты, Рома, наверное, ночевать тут собрался?

Настя стояла у умолкнувшего магнитофона. Ее темные глаза смотрели снисходительно и насмешливо. А я глядел на нее, не отрываясь. Очень уж хороша была Настя в связанном ею полосатом свитере. Небольшого роста, она была удивительно гармонично сложена. От стройных ножек до восхитительной формы груди и поуобнаженных плеч — все в этой девушке было восхитительно. А если напрячь фантазию... Интересно, кстати, посмотреть на того, кому фантазия здесь ни к чему. Удивительно дружелюбная и открытая, Анастасия все же ни разу и словом не обмолвилась, есть ли у нее парень. Хотя тут и одного взгляда достаточно...

Наверное, я слишком поддался воображению. Позже выяснилось, что я смотрел на нее молча целую минту, даже рот приоткрыл. От нее это, разумеется, не укрылось. Настя улыбнулась и, как ни в чем ни бывало, произнесла:

— Возьми-ка этот магнитофон и пошли, отнесем его в общественный деканат.

Музыкальный центр был вовсе не тяжел, общественный — близко, а выполнять

распоряжения такого профорга было сущим удовольствием.

Общественный деканат — длинная узкая комнатушка, обставленная старой мебелью. Я поставил магнитофон на книжную полку и уже собирался уходить, как вошла Настя.

— Кстати, Рома, совсем забыла. Я же собиралась тебе твою кассету отдать!

Про кассету с музыкой для танцевального номера, который отпал на третьей же репетиции, я успел уже забыть.

— Сейчас, она здесь, на шкафу. — с этими словами Анастасия залезла стул и заглянула на пыльный книжный шкаф, который когда-то, возможно, украшал кабинет большого начальника, а теперь тихо доживал свой мебельный век здесь.

— Вот она, нашла.

Внезапно девушка потеряла равновесие на высоких каблучках и замахала руками в воздухе, уронив кассету на пол. Я подскочил к стулу, страхуя ее от падения. Мои руки неожиданно для меня схватили Настю за бедра. «Лучше быть нахалом чем позволить девушке упасть!» — эта мысль меня мало успокаивала, когда она, заняв устойчивое положение, повернулась ко мне лицом и спрыгнула вниз. Прыгая, она обперлась ладонями об мои плечи. Теперь стоя на полу, она не спешила убирать свои руки.

— Извини, пожалуйста. — сказал я, как мне казалось, краснея.

— Нет, это ты извини.

С этими словами Настя приникла страстным поцелуем к моим губам. Мне не оставалось ничего другого, как обнять ее — так крепко и нежно, как я только и был способен. Аромат ее волос дурманил, нежные прикосновения уносили далеко-далеко, за сотни миль от тесной комнаты, набитой хламом, от скучного университета, от загазованного мегаполиса на берегу мелководной речушки — за облака...

Анастасия, прикрыв глаза, продолжала покрывать горячими поцелуями все мое лицо. Ее пальчики в это время судорожными движениями расстегивали пуговицы моей рубашки. Я же одной рукой гладил ее приятной округлости попку, другая рука давно уже прокладывала себе путь под свитер — к волнующе гладкой коже настиной груди. За дверью послышались голоса и чей-то идиотский смех.

— Надо дверь закрыть! — я отпустил девушку, схватил ключ со стола и торопливо повернул его в замке.

Обернувшись, я не поверил своим глазам. Настя сидела на полированном письменном столе За каких-то 10 секунд, пока я отворачивался, она успела стянуть с себя свитер и джинсы, оставшись в кружевных шелковых трусиках. Моя возлюбленная была так прекрасна в своей наготе, казалась настолько небесно-воздушной, что несколько долгих мгновений я просто наслаждался чудным зрелищем, не решаясь прикоснуться к этой неземной красоте. Заметив мою нерешительность, девушка поманила меня пальчиком:

— Ну же, Ромочка. Сделай меня счастливвой...

Подойдя к Насте, я вновь горячо поцеловал ее в губы, но не стал задерживаться на них, а скользнул вниз — к точеной, лебединой шее, к упругой гладкой груди. Лизнув вишневый сосок, я уловил ее сладостный шепот-стон. Рука моя вела себя куда смелей, проникая под влажную ткань ее трусиков. Я провел рукой по губкам, потом осторожно ввел палец в святая святых девушки, нащупав набухающий бугорок.

Настя подалась вперед и начала ритмично двигать бедрами:

— Ну же!... Возьми меня...

Я никогда не даю повода девушке просить меня дважды. Сбросив одежду, хватаюсь руками за попку Насти и медленно вхожу в нее.

— А-а-ах!... — девушка отрывисто вскрикнула и попыталась меня обнять.

Мы начали двигаться: сначало медленно, затем — все быстрее и быстрее. Настя тихонько постанывала, закрыв гдаза и закинув голову. Как это чудесно — самому регулировать темп! Чуть только я чувствовал, что тяжелая и теплая волна подступает к низу живота, как тут же замедлял движения. А когда ощущение проходило, разгоял девушку до бешеной скорости, как машинист, выжимающий из локомотива полную мощность. Это восхитительно — видеть, как в такт сильным ударам вздрагивают острые грудки девушки, слышать, как меняется ее дыхание, как стон переходит в сладострастный крик.

Апофеоз наступил одновременно. Почувствовав, как влагалище Насти плотно сжало мой член, я увеличил скорость до предела. Стоны и вскрикивания любимой слились в один общий звук. Она дотянулась руками до моих лечей и сжала их со всей силой, на которую была способна.

Через несколько секунд все кончилось. Я привлек девушку к себе, и она, открыв глаза, тесно прижалась щечкой к моей щеке.

— Ах, милый, что же теперь будет!..

— Не беспокойся, Настёнка, я тебя люблю, нам теперь будет хорошо вместе.

Время показало, что я не ошибся. Нам было хорошо еще много раз. Но это уже совсем-совсем другая история